РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ 4

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
2

издается с 1973 г.
выходит 4 раза в год
индекс РЖ 2
индекс серии 2.4
рефераты 98.02.001-98.02.058

МОСКВА 1998

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ

98.02.016. АФАНАСЬЕВ М.Н. КЛИЕНТЕЛИЗМ И РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ. – М., 1997. – 301 с.

Клиентарными обозначаются "отношения власти, которые реализуются индивидуальными и коллективными авторами по модели "патрон-клиент", противоречиво соединяя личную зависимость и господство со взаимными услугами и солидарностью" (с. 5). Патрон-клиентные отношения и первичные формы публичной власти имеют биосоциальные формы. У нас "индивид всегда испытывал сильнейшее воздействие властных структур, а его социальные роли определялись местом в системе "механической солидарности"; утрата "положенного" места влекла утрату ролей, социальную дезориентацию, маргинализацию... индивид выступал не столько автором своих социальных отношений, сколько функционером системы" (с. 23). Лишь институты либеральной цивилизации ослабляют патронклиентные отношения. Они сохраняются и в самых развитых странах, но не решают проблемы социальной консолидации.

Домонгольская и домосковская Русь, по мнению автора, "вполне сопоставима с Европой по... способу производства, нарастающему индивидуализму в дуалистическом строе соседской общины, по дружинному патрон-клиентному способу новой, нетрадиционной социальной интеграции" (с. 79). Ордынское иго стало рубежом. С той поры формально-схожие процессы имели различное содержание и последствия: на Западе феодальные формы личной зависимости замещались территориальными политическими союзами со сложной структурой сословных и корпоративных прав, частных патрон-клиентных отношений. У нас была "экспансия в географическом и социальном пространствах одного вида личной

зависимости – от князя, царя, государя" (с. 84-85), ведшая к упрощению социально-политической и усложнению разрядно-служебной структур. Царская власть, "будучи публичной по сфере деятельности... не приобрела публичного политийного содержания" (с. 85). Упадок феодализма сопрягался с деполитизацией социальной жизни, деспотизацией иерархических, властных отношений. Личная зависимость не ослаблялась, а огосударствлялась.

Всевластие российских начальников никогда не было легитимным. Петровская "Табель о рангах" так и не стала общим законом служебной карьеры. Успех обеспечивали связи, а продвижение по табельному списку оставалось уделом неудачников. Петримониализм и клиентизм составляли внутреннюю форму российской бюрократии, образ властвования. Даже после 1861 г., "сохраняя крестьянство в положении госклиентелы, верховная власть лишь усиливала массовое ожидание, а затем и требование земельного передела..." (с. 110). Лишь при Столыпине наметилась корректировка этой политики, но в целом государственная власть разжигала несбыточные ожидания. Сословные институты и сословное сознание затрудняли становление хозяйственно-договорных отношений, а также неэкономических связей и взаимных услуг. В промышленности сохранялась ставка на эксплуатацию и полицию. Из этого следовало, что в России недоставало не только горизонтальных, буржуазных связей в обществе, но и связей вертикальных – покровительства и солидарности, что "обусловило революционный срыв и обвальное разрушение государственного порядка..." (с. 111).

Предпосылки тоталитарной диктатуры были заложены индустриализацией. Все тоталитарные режимы – "суть реакция на кризисные перегрузки в условиях перехода к индустриальному обществу" (с. 114). Маргинализация, утрата традиционных социальных ролей и статусов обернулись массовым "бегством от свободы". Лишь немногие способны противостоять хаосу и утверждаться в новой жизни. Все это усугублялось геополитической напряженностью на рубеже XIX-XX вв. и "вызывало попытки "ускорить историю" путем того или иного варианта мобилизационного развития" (с. 119). Мировая война превратила людей в "стрессированные толпы" с повышенной идеологической восприимчивостью. Коммунизм и фашизм, казалось, предлагали альтернативу буржуазно-индивидуалистическому, антагонистическому, кризисному развитию, являясь ложными формами

социальной (национальной) интеграции. “С ликвидацией и репрессированием значительной части населения, с превращением социума “партия-пролетариат” в социум “партия-народ” большевики, так же как и национал-социалисты, заговорили о нераздельном единстве общества (с. 121). И те и другие заявляли себя государственниками, хотя для большевиков факт послеоктябрьского разрастания бюрократии изначально стал неожиданностью.

Становление номенклатуры связано с взаимодействием марксистско-ленинской партии и пролетарских масс. Теоретики-марксисты, столкнувшись с бескультурьем и потребительством “класса-гегемона”, размечтались о партии, призванной “привить рабочим истинное пролетарское сознание и направить их на революционный путь” (с. 133). На практике, “не ограничиваясь заменой общества гипотетической обществосозидающей деятельностью рабочего класса, большевики последовательно проводили замещение самодеятельности класса-гегемона деятельностью партийных организаторов” (с. 133). Номенклатура являлась расширенным тоталитарным изданием партии “нового типа”. Каждый индивид должен был сообразовывать свою жизнедеятельность с правилами номенклатурного социума. Возникла массовая клиентела “партии-государства”, причем устранялись условия для выражения даже узко-профессиональных и потребительских интересов. Одновременно открывались номенклатурные каналы роста: передовик, общественник, партийный, советский, профсоюзный и т.п. функционер. Расширялась сфера внеэкономического принуждения и административного контроля (институт прописки и пр.) “Едва ли не крепостная зависимость индивидов внешне носила анонимный, институциональный... характер.. часто оборачивалась привилегией в сравнении с людьми, закрепившимися в социальной иерархии на ступеньку ниже...” (с. 138-139).

Без массовых репрессий не стало необходимого элемента мобилизационной экономики. Десакрализация Сталина разрушила миф, основанный на страхе-любви к власти. Возникла экономика “административного торга”. С исходом населения из деревни иссяк важнейший ресурс экстенсивного развития, возник дефицит рабочей силы, возросла самовольная социальная активность. Стабилизация административных кадров закупорила номенклатурные каналы выдвиженчества, а трудящиеся получили возможность для торга.

Номенклатура расплачивалась с массами за труд и лояльность гарантией занятости и зарплаты, стабильными ценами, низкой требовательностью к интенсивности и качеству труда. Все это было "всеобщей формой социального паразитизма, и законом его саморазвития была убывающая продуктивность" (с. 140).

В отличие от бюрократии – носителя рациональности, присущей буржуазному обществу, номенклатурная бюрократия как продукт и средство "негативного синтеза... устранила культурные и структурные основания рациональности" (с. 142). Возглавляя процесс тоталитарного самопожирания нации, номенклатура разрушала традиционные структуры и, в конце концов, самою себя. Попытки очеловечить социализм, полупризнать право индивидов на частную жизнь, автономность семьи, собственную логику науки и культуры еще раз обнаружили несовместимость естественного человеческого самовыражения с основами бытия номенклатуры. Вместе с тем распад номенклатуры "грозит обернуться распадом социума, на котором она паразитировала" (с. 144).

Автор полагает, что патрон-клиентные отношения смягчали идеологический кретинизм и жестокость тоталитарной системы. Но они не имели договорного характера. Отсюда – сходство патрон-клиентных отношений коммунистической номенклатуры с нравами уголовного мира. По негласному договору "низы" прощали "верхам" превращение власти в источник личных доходов, а "верхи" прощали "низам" повсеместную халтуру и воровство. Отчужденное сознание "номенклатурно организованной массовой клиентелы" допускало и предполагало недовольство "начальством", однако "рост недоверия и неверия вызывал... не самопреодоление и развитие, а лишь ускоренное нигилистическое саморазрушение" (с. 155). Распадающийся номенклатурно организованный социум вел к неограниченному потребительскому индивидуализму, стайности, развитию клиентарных связей.

Причины неукорененности нашей демократии, неудачи реформ коренятся "в устойчивых, спонтанно воспроизводимых образцах поведения российских граждан" (с. 190). Так, обстоятельства и итоги последних избирательных кампаний свидетельствуют о пассивно-негативном отношении электората к выборам как к "торгу с начальством" (с. 209). Выделяются следующие виды электорального поведения: "патриархальный" – в слабо урбанизированных, окраинных регионах; "советский" ("агрократический") – на селе;

"послесоветский" – демонстративно-негативистский (жириновцы); "партийный" – коммунисты, "патриоты" и "демократы". Не оправдалось использование пропорциональной избирательной системы: "Если при мажоритарной... можно было надеяться на формирование умеренно-консервативного и прагматично ориентированного парламентского большинства, то наполовину пропорциональная система сделала его идеологизированно реакционным" (с. 216).

Отношения личной преданности и покровительства – важнейшая составляющая административного процесса. Клиентарные отношения не только определяют карьеру чиновников, но и воспринимаются большинство их как нормальные, естественные условия аппаратной жизни. Служебная неустойчивость усугубляет пороки бюрократии. Вместе с тем "правовой государственный порядок не может возникнуть помимо усилий... чиновничества, выстраивающего это порядок вокруг и внутри себя" (с. 241). Обнадеживает факт рекрутизации в правящую элиту интеллектуалов-гуманитариев. Настораживает – живучесть номенклатуры на местах. Последняя, прежде всего директорат, сумела добиться выгодных для себя условий при проведении приватизации, используя демагогию, корпоративность, боязнь трудящихся "капиталистов" и чужаков. Рост антиприватизационных настроений в номенклатуре обусловился сокращением госдотаций, усилением экономической ответственности, конфликтами с работниками и акционерами. Одновременно расцвело предпринимательство администраторов всех уровней – "бюрократической буржуазии". "Бюрократизация частного предпринимательства препятствует его социальному созреванию, т.е. становлению предпринимательского класса, сознающего свои общие, стратегические интересы, готового взять на себя бремя общественного лидерства и ответственности" (с. 253). В сращении предпринимательства и госаппарата активно участвует организованная преступность. Властвующие группы в современном российском обществе уже не номенклатура, но еще и не элита. Номенклатура распалась на частные клики номенклатурщиков, о чем, например, свидетельствует политическая неопределенность объединений типа "Наш дом Россия".

"Распад тоталитарного порядка обнаружил не просто "угнетенную" социальность, но прежде всего... теневые социальные" (... асоциальные) формы (с. 264). Нынешние "верхи" напоминают

совпартактив с "личными связями". Наблюдается атомизация социума, испытывающего отвращение к политике и общественной деятельности. Массами овладевает потребительский (не творческий) индивидуализм, требовательный лишь к обществу, государству, "начальству". Совковая индивидуальность выражается и в клиентарных отношениях. Отсутствует демократическая альтернатива нынешней власти. Единственная действительно политическая партия – КПРФ нацелена на реставрацию номенклатурного порядка: "Содержательная пустота выражается в агрессии, культивировании социальной вражды и жажды мести" (с. 269).

Автор полагает, что известный уровень образованности и тяга к просвещению позволяют надеяться на окультуривание примитивных отношений зависимости, лидерства и солидарности.

П.И.Шлемин

98.02.017. ТАЛИНА Г.В. ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ: ЛИЧНОСТЬ, МЫСЛИТЕЛЬ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ / Моск. пед. гос. ун-т, Регион. открытый социал. ин-т. – М.: Магистр, 1996. – 114 с. – Библиогр.: с. 133-143.

Анализ роли царя в системе государственного управления России во второй половине XVII в. убеждает в том, что процесс постепенного перерастания сословно-представительной монархии в абсолютную, особенно четко проявившийся в правление Алексея Михайловича, был неотделим от деятельности главы государства. Не будучи сторонником коренной ломки ни государственного аппарата, ни бытовых традиций русского двора, царь тем не менее достаточно четко реагировал на потребности эпохи, принимая и вводя у себя все новое, что могло с пользой послужить ему и России.

В целом, политика Алексея Михайловича, правление которого пришлось на третью четверть XVII в., была направлена на снижение роли структур, ограничивавших царскую власть, и расширение сферы влияния монарха в решении вопросов, относящихся к прерогативам высшей власти. Реализация этих тенденций осуществлялась в итоге тесного взаимодействия царя со всеми центральными государственными органами, являвшимися источниками дел, рассматривавшихся Алексеем Михайловичем, и инстанциями, проводившими в жизнь его решения.